

Панорама Санкт-Петербурга. А. Ф. Зубов. 1716 г.

Город в песне, или Путешествие из Петербурга в Москву, или Прощание с Петербургом*

111. ПРОЩАЙ, СЛАВНЫЙ ПЕТЕРБУРХ

Прощай, славный Петербурх,
Оставляем мы тоску,
Прости, славна Миллионна,
Прости, желтый дом кадетский,
Прости, Ржевское кружало,
Прости, мать Нева-река,
По волнам твоим гуляли,
Острова все и заливы
С кораблями биржа главна
Ты, Калинкина деревня,
Девкам всем была доука,
Во несчастной нашей доле
Ты, Матисова с Коломною,

стеснен стал в тебе наш дух.
отъезжаем мы в Москву.
нам ходить в тебя уж полно.
весь прибор наш молодецкий.
ты нас много попужало.
широка и глубока,
много штормов мы видали,
теперь очень нам не милы.
и Варяжско море славно.
[...]
молотцам же всем прилука.
мы сидели тут в неволе.
где приезд наш был с повольной.

111. Прощание с Петербургом, или Путешествие из Петербурга в Москву.

Славные примечательные места

Петербургские:

Миллионная улица — сохранила свое имя.
Желтый дом кадетский — морской кадетский или сухопутный шляхетный корпус.
Ржевское кружало — питейное заведение.
Калинкина деревня — в низовье Фонтанки, в Коломне.
Матисов остров — входит теперь в территорию порта.
Мокруша — Екатерингофский канал.
Стрелка — так в Петербурге называют оконечность острова (напр., Елагина, Васильевского).

Московские:

Тверская
Можайская
Пятницкая
Сретенская
Мясницкая
Арбат
Пролом

* Статья выполнена при поддержке РГНФ; проект 02-04-0021а.

Вид Москвы с Воробьевых гор. Фрагмент. Худ. Я. Бликлант. 1708 г.

Е. Е. Васильева

В праздничное время 300-летия Санкт-Петербурга воздух насыщен его именовани­ем и хвалением. Мно­жество песен, давно любимых и вновь сочиненных, теснят друг друга, соперничая в притязании на внимание и память. Где начало этого потока песен? Каково оно?

Хочется увидеть исток в начальном периоде жизни города, в петровском времени; мы ищем его в панегирических кантах, украшавших триумфы на победы и разъяснявших величие совершавшихся событий, — и не находим. Прочитайте замечательную «историческую сюиту», опубликованную в «Русских кантах от Петра Вели-

кого до Елизаветы Петровны»¹, и удивитесь: в них нет имени города, о котором было столько попечений, в котором скрещивались все пути и стремления, воплощались великие замыслы. Язык псалмов и постепенно вырабатываемых церемониальных оборотов не нуждался в нем. Как средоточие памяти и особых форм жизни город еще не существует, а для утверждения его идеи важны возвышающие аллюзии. «Град Петров» в этих текстах еще кружится, не укладываясь в магический кристалл формулы. Величание императора «Петре камень твердый, паче адаманта»² двоятся, его главная фигура — первоверховный апостол Петр. Продолжение строфы — «на камени толиком яко утвердися» — про-

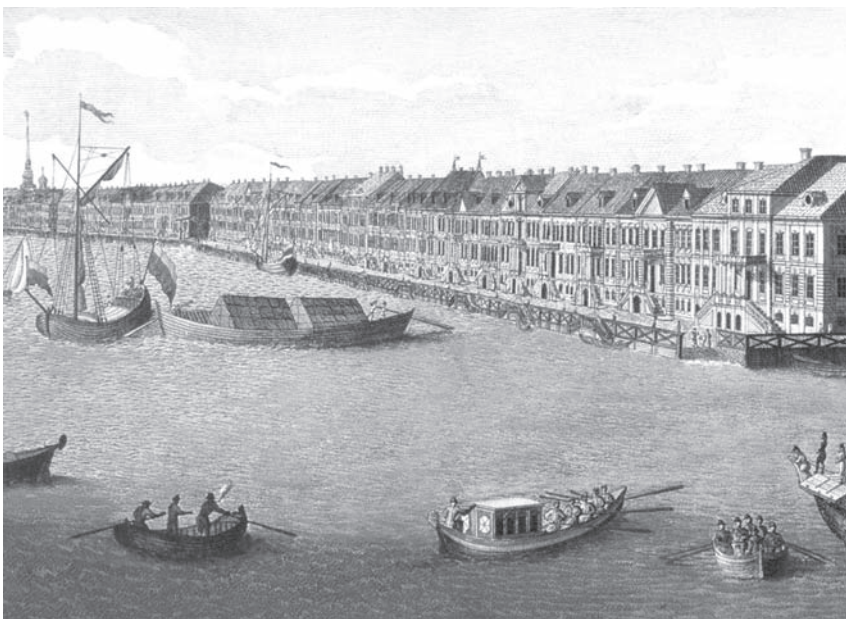
длевает аллюзию, вызывая в памяти слова, внятные всякому православному: «Ты еси Петр, и на сем камени созижду церковь мою, и врата адовы не одолеют ей». Так имя императора, основателя новой столицы, преобразователя государства, получало сакральное подтверждение.

Спустя поколение то же имя прозвучит иначе: «Гряди наш свет, Елисавет, в град самодержавный, Петром основанный!» — так начинается написанная М. В. Ломоносовым «песнь на встречу Ея Императорскаго Величества Елизаветы Петровны», возвращавшейся после коронации из Москвы в Петербург³.

Канты, выраставшие из псалмов, входят в более широкий круг музыкально-поэтических произведений, которые отечественная наука уже привычно называет «книжными песнями», однако не составляя весь его объем. У «книжной песни» свои разнообразные темы, стилистические закономерности; свои, еще не вполне познанные, судьбы. Рукописи, вмещающие «книжные песни», называют «рукописными песенниками»⁴.

Этот термин приходится отделять от привычного словоупотребления, он условен. Разряд «рукописных песенников» объединяет различные по объему, составу и времени написания книги: созданные в монастырских скрипториях собрания духовной лирики; последования панегирических кантов на разные случаи; хорошо соотнесенные сочетания «псалмов», «кантов» и «песен». Со временем среди них все чаще можно встретить «песенок чувствительных тетрадь» (каковую всегда готов был списать Молчалин). При всех различиях есть и объединяющее их свойство: все «книжные песни» непременно жили в звучании, письмо их только закрепляло. Тетради, обильные словами любовных вздыханий, редко содержат напевы — именно потому, что напевы эти хорошо были знакомы писавшим.

«Рукописные песенники» не похожи ни на изданные любим, хотя бы и малым тиражом, томики сти-

Проспект вверх по Неве реке к востоку между галерною верфью и 13 линией Васильевского острова. Фрагмент. Худ. И. П. Еляков по рис. М. И. Махаева. 1749 г.

На этих страницах представлен фрагмент книги, изданной как одно из подношений к 300-летию Санкт-Петербурга (Русские канты от Петра Великого до Елизаветы Петровны: виватные, панегирические, покаянные, навигацкие, застольные, пасторальные, любовные / Изд. подгот. Е. Е. Васильева, В. А. Лапин, А. В. Стрельников. СПб.: Композитор, 2002. 213 с.).

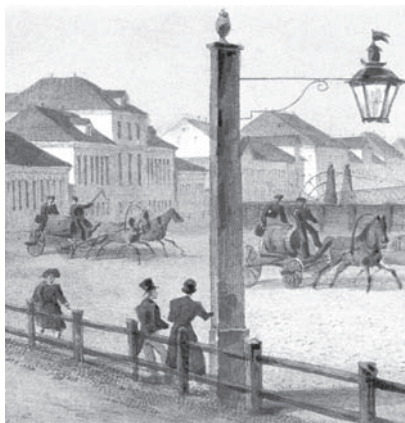
Страницы книги осенены видами двух столиц — Петербурга, с кораблями на Неве, и Москвы, раскинувшейся на своих холмах. Под ними песенка, которой посвящена статья Е. Е. Васильевой.

хов, ни на собрание поучений. В этом их другая особенность: они были поприщем духовных трудов, молитв и размышлений или сокровищем памяти. В XVIII веке все более они превращались в своего рода лирический дневник, свидетельство частной жизни; их заводили для того, чтобы сбегать речь милое и любимое. Разумеется, входили в них песни, значимые для всех: и являвшиеся на больших праздниках, триумфах или маскарадах, и модные новинки, и те, что были связаны с особым случаем, именем. Жизнь некоторых, особенно любимых, разветвлялась на несколько «рукавов», появлялись продолжения, ответы, пародии.

В дальнейшем мы опираемся на материалы нескольких рукописных песенников, хранящихся в отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), и на «Собрание разных песен» М. Д. Чулкова, обобщившее именно этот пласт песенной культуры. Соотношение устной песни и «книжной», равно как и первых изданий песен между собою⁵ — проблемы, требующие специального рассмотрения. Для нас в данном случае важно заметить, что Собрание Чулкова и «рукописные песенники» можно рассматривать как единый массив материала.

Среди этих песен, случается, мелькают имена городов. Чаще всего они помещены в зачине; создают некую точку отсчета для движения сюжета баллад, лирических, исторических песен. «Матушка Москва», пожалуй, главенствует среди таких зачинов:

*Как у нас ли в каменной Москве
Во Кремле во крепком городе*

Мойка. Фрагмент.
К. П. Бегров по рис. К.-Ф. Сабата
и С. П. Шифляра. 1825 г.

*Учинилась диковина:
Полюбилась красна девица
Удалому добру молодцу
Что Ивану и Осиповичу
По прозванью Ваньке Каину...⁶
Славна Москва с крутыми берегами,
А ты, моя сударушка,*

с черными бровями...⁷

*По конец было славна города,
Славна города каменной Москвы,
Что на самом ли на выезде,
На ростанях ко Всесвятскому.
Не туман, братицы, затуманился,
Не роса пала на травушку,
Что катились горячи слезы,
Горючи слезы солдатския.
Идуци, братицы, в землю Шведскую,
Все солдаты во слезах идут⁸.*

И другие славные города — Ярославль («Ах ты наш батюшка Ярославль-город, ты хорош-пригож на горе стоишь⁹»), Саратов с Царицыном, несчастливая Казань устойчиво встречаются в песнях. Входят и новые имена, иногда естественно, легко:

*Во славном было городе Кронштате
Гостиной сын по улице гуляет¹⁰.*

Порою новации включаются с заметным стилистическим усилением, преобразующим статус текста:

*Оты крепкий, крепкий Бендер-град,
Ты разумной храброй Панин граф,
Ждет Европа чуда славнова,
Ждет Россия славы новья¹¹.*

Появляются и петербургские мотивы:

*Как по славной матушке Неве-реке,
Подле устьяца ея широкого,
Что при самом ли истоке быстром
Как плавали-гуляли*

три легкое стружка.

*На первом стружке Шереметев был,
На другом стружке*

офицеры сидят,

А на третьем стружке

все солдатушки¹².

Сюжет, исторически предшествующий началу города: суда стремятся к круту красну бережку Слюсельбургскому для сражения в истоках Невы, после которого в ее устье будет заложена крепость и вырастет столица.

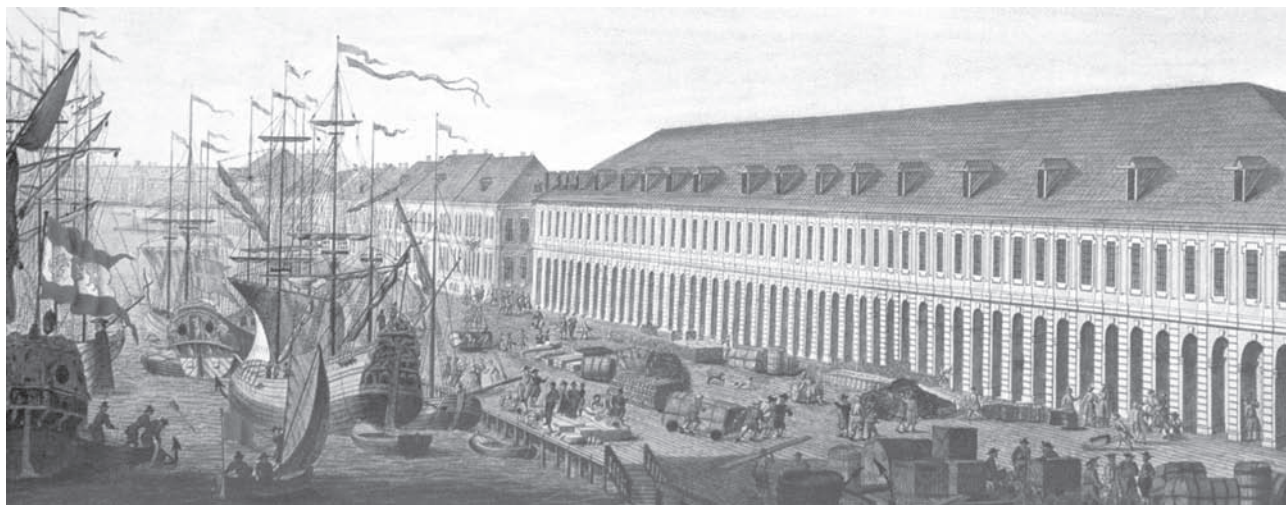
*Как во городе во Санктпитере
На проежжей славной улице
На противу двора гостинова
У Милюшина да на фабрике¹³.*

Далее в этот новый пейзаж вписывается классический портрет девицы, чем сюжет и исчерпывается.

Та же начальная строка может открывать знаменитую балладу, звучание которой для поколений является символом канта:

*Как во городе во Санктпитере,
Что на матушке на Неве-реке,
На Васильевском славном острове...¹⁴*

Иногда в сюжет входит перечисление городов, становящееся усиленным знаком разлуки:

Проспект Биржи и Гостиного двора вверх по Малой Неве реке. И. П. Еляков по рис. М. И. Махаева. 1749 г.

*С кораблями биржа главная,
И Вареско море славно.*

*Ты, Калинкина деревня,
Девкам всем была докука,
Молотцам же всем прилука*

*По несчастной нашей доле
Мы сидели тут в неволе.*

*Ты Матисова с Коломной,
Где приезд был наш сповольной,*

*Вы, солдацкия слоботки,
Прощай девки и молодки,*

*Река Мойка и Фонтанка
И Мокруша бесталана.*

*Прощай погреб зблиаром,
Много денег побрал даром,*

*В тебе деньги, и все платье
Положили наше братье.*

*Прощай, Стрелка со трактиром,
Отпущай в Москву нас смирном.*

*Как приедем на Славянку,
Отсель в первую стоянку*

*Повторим мы Петербург
И поедем в Москву вдруг.*

*Мы приедем во Тверскую,
Скажем всякой нетоскую,*

*Позабудем мы печаль,
Что сударушек нам жаль.*

*Здравствуй, батюшко Арбат,
Мы приехали опять!*

*Здравствуй, Пятница с Мажайской
И Устретенски с Мясницкой!*

*Здравствуй, батюшко Пролом
И с посольским со двором!*

В рукописи двустихия не выделены графически. Мы позволили себе такое изменение, чтобы глаз легче схватывал парные рифмы. Также добавлены знаки пунктуации, которых в песенных текстах того времени просто не бывает — в более строгих рукописях, где слова подписываются под партиту-

рой, условные штрихи используются как разделительные знаки между стихами, а запятых тоже нет. Орфография, выбор букв (кроме ушедших из современного алфавита) и слитное написание союзов и предлогов переданы без изменений. Последнее хотя и затрудняет чтение, но хорошо передает посыл записи слов в пении.

Мы вчитываемся в названия, в перечисление славных и примечательных мест Петербурга, и предстает в них картина вольной и веселой жизни, которую ведут бурши, молодые офицеры. Идеал эпикурейства потом сохраняли (и развивали по-своему) лицеисты вслед за офицерами гвардии — он запечатлен в поэзии Дениса Давыдова и юного Пушкина; также и студенты образованных университетов в Казани, Харькове — их доносят до нас песни, записанные и изданные выпускниками. Подобные песни хранились в совокупной памяти некоторых ленинградских институтов (например, Технологического, Кораблестроительного).

Однако это особый предмет, который оставим, едва коснувшись. Пояснения требуют именно названия, благодаря которым выявляются особенности повседневной жизни распевавших песенку молодых людей¹⁹.

Желтый дом кадетский — в Санкт-Петербурге ко второй половине XVIII века существовали Сухопутный шляхетский кадетский корпус (учрежден в царствование Анны Иоанновны, помещен в Меншиковском дворце) и Морской кадетский корпус (преобразован из Морской академии в царство-

вание Елизаветы Петровны)²⁰. Оба они были расположены на Васильевском острове, на берегу Невы; здания обоих привычно выкрашены в охристо-желтый цвет. В котором из них началась жизнь этой песенки, пожалуй, не решить однозначно. Упоминания Невы, Биржи, островов и проливов говорят как будто в пользу Морского корпуса, но в XVIII веке еще сохранялись крепко заложенные Петром традиции прогулок на лодках, обязательные для всех горожан. Удалое молодецкое поведение включало в круг выходов и плавание в любую погоду. Так, А. Н. Болотов рассказывал о пикнике офицеров в Кенигсберге, из-за непогоды едва не закончившемся плачевно.

Фонтанка, Мойка, Матисов остров, соседствующий в низовье Фонтанки с Коломенским (теперь он входит в территорию порта), можно прочитать как некоторые пункты маршрутов этих прогулок. Между ними попала **Мокруша бесталана** — часть правого берега Малой Невы, которая теперь отмечена Князь-Владимирским собором. Он был построен на месте церкви Николы в Мокрушах. В первые десятилетия Петербурга там было болото вокруг протоки, которая после укрепления и осушения берега стала корочкой и называется теперь речкой Ждановкой.

Упоминание **Миллионной** (улицы?) лестно для соседствующих с нею вузов, но как оно вписывается во времяпрепровождение героев — авторов песенки, не вполне понятно. Можно предположить, что название на карте города переместилось, и нам его не распознать, или принять намек на соседство с Зимним дворцом, в котором, впрочем, кадетам как сухопутного так и морского корпусов шалить или служить вряд ли приходилось.

Калинкина деревня (Каллина), расположенная в низовье Фонтанки, в Коломне, имеет не столько топографическое, сколько сюжетное значение. Там располагался знаменитый рабочий дом для девиц непотребного поведения. Он воспет В. И. Маяковским как одно из главных мест действия в поэме «Елисей или разбушавшийся Вах»:

Где речка Черная

с Фонтанкою свилися

И устьем в устье Невы-реки

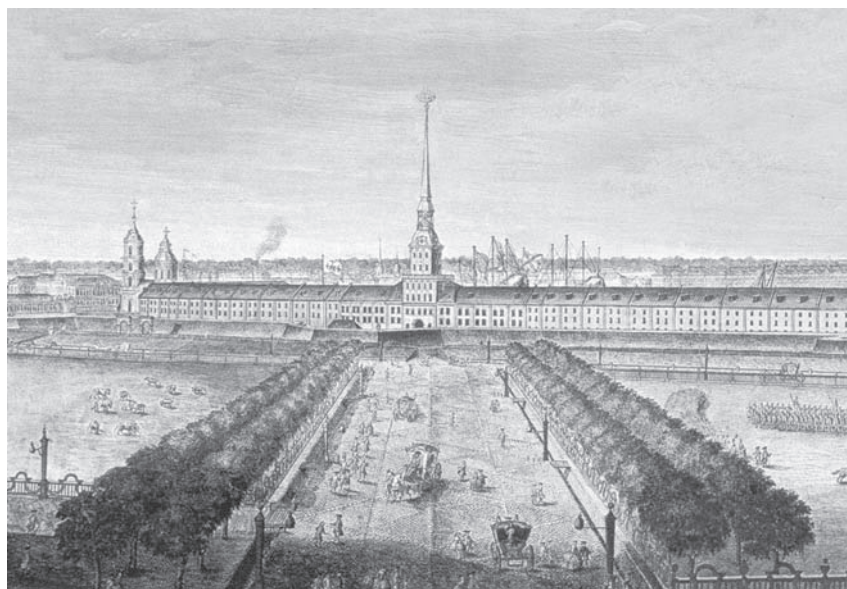
влилися,

При устии сих рек,

на самом месте том,

Где рос Калинов лес,

стоял огромный дом;

Проспект Адмиралтейства и около лежащих строений с частью Невской перспективной дороги. Худ. Г. А. Качалов по рис. М. И. Махаева. 1748 г.

План Санкт-Петербурга 1717 г., изданный в Нюрнберге И. Б. Хоманом

План Петербурга. Составлен под руководством И. Ф. Трускотта по рис. М. И. Махаева. 1753 г.

*По лесу оному и дом именовался,
А именно сей дом*

*Калинкин назывался:
В него-то были все распутные жены
За сластолюбие свое посажены;
Там комнаты в себя
искусство их вмещали:
Единые из них лен*

*в нитки превращали,
Другие кружева из ниток тех плели...²¹*

Обратим внимание на пропуск стиха, парного к содержащему название, — мы не найдем его и в напечатанном М. И. Чулковым тексте (его восстановит вариант из другого «рукописного песенника»).

Рядом с Калинкиной деревней — безмянные *солдацкие слободки* и в них *девки и молодки*; также безмянный *погреб з биллиаром*. С ними молодые повесы прощаются как будто без особого сожаления.

Стрелка со трактиром — стрелкой называли мыс, вдающийся в течение реки и разделяющий его на рукава. В Петербурге две знаменитые стрелки: Васильевского острова, на которой в XVIII веке еще был торговый порт, морская биржа и помост для «огненной потехи». Другая стрелка — Елагина острова — называется популярным местом гуляний уже в XIX веке, и о трактирах на ней не сохранилось никаких преданий. Возможно, это географическое понятие переносилось на развилку дорог, и речь идет о Средней Рогатке.

Любопытно, что в этом тексте встречаются слова, которые мы воспринимаем как синонимы: «трактир» и рядом «Ржевское кружало» — стилистическое отличие, возможно, передает иной социальный характер питейного заведения, более низкий его статус. Впрочем, трактир еще в

начале XIX века был прежде всего гостиницей со столом, в который совсем не обязательно входили веселящие и горячительные напитки.

Славянка — селение с таким названием (есть еще речка, впадающая в Неву чуть ниже устья Ижоры) находится в пределах почтового тракта на Москву, недалеко от Павловска — вполне подходящая *первая стоянка*.

Собственно путешествие никак не отражено в тексте, и только москвские улицы, встречающие путников, обозначают его совершившимся.

Вариант из другого «рукописного песенника» того же Титовского собрания (ОР РН., Тит. 2579) существенно дополняет песенку о Петербурге, свидетельствуя о ее популярности и обозначая широкие пределы изменений, обновления текста.

Эта рукопись также безнотная, тексты не имеет отсылок к «голосу»; графика их зрительно передает структуру строфы, орфография же явно следует из певческого произнесения (особенно выразительны бывают предлоги, присоединенные к существительным — сознание пишущего настроено на слитное в пении звучание, в соответствии с этим он и пишет). Рабочее поле очерчено на листах рамками; большая часть текстов написана тщательно, внятно; почерк не имеет черт скорописи, ближе по образу полууставу. В конце вторгается другой почерк, угловатый, резкий, со слитным начертанием букв. Две владельческие записи, вероятно, относятся к разным этапам жизни песенника: на обороте форзаца с немалым усилием можно разобрать в вихре росчерков имя: «Принадлежащая Дмитрию Кикину». На первом листе помещены в несколько ровных стро-

чек записи, сделанные изящным мягким почерком: «Сия книга принадлежит Катерине Александровне Чебышевой»; под нею французский вариант и снова русский.

В начале приведен «Реэстр песням с показанием оных начала», то есть оглавление. Достояна внимания перестановка частей (против классической структуры «рукописных песенников»): в конце рукописи, после 122 песен, помещен раздел псалмов, выделенный самостоятельной нумерацией и особо обозначенный в «Реэстре» (последние из 11 номеров этого раздела — канты на Петровские победы). Основную часть составляют все те же «чувствительные песенки», среди которых вспыхивают несколько особенных текстов. Один с такою лихостью описывает «марш», что остается непонятным, идет ли речь об учениях или о настоящем «деле»:

*Встань, встань солдат, встряхнись,
Скоро в парад становись.
Время к маршу наступает,
Чрез барабаны объявляет,
Флейты.
Афицеры выступайте
Репорты обирайте,
Понуждайте всех к походу,
Забирай с собой воду
В степь²².*

В этом фрагменте мы точно воспроизводим графическое расположение строфы и особенности написания, позволив себе только исправить инверсию, нарушившую рифму, и расставить знаки препинания.

Другой текст дает живую картину псовой охоты:

*Вдурх с полночи у нас зашумело,
Рагатая музыка гремела.
Голос подавали, чтоб все вставали:
бу—бу.*

*Охотники, лошадей седлайте,
Борзых фсех на своры прймайте,
Пора, пора выезжать в поле нам²³.*

Возможно, это исключение из правила и вообще не песня — этот текст, едва ли не единственный, не выдерживает стихотворной графики; написан размашистым, резким почерком с неупорядоченными широкими штрихами; труден для прочтения.

Под № 73 в «Реэстре» помещен несколько изменившийся инципит и на листе 71, на обороте записана наша песенка:

*Оставайся, Питербурх,
стеснен стал тобой наш дух,
Покидаем всю тоску,
отъезжаем мы в Москву.
Прости, лавка Миллионна,
нам ходить в тебя уш полно.
Прости мать Нева-река,
течешь быстра јглубока,
Много штурмов от тебя
потерпят все стена.
Острова все ипроливы теперь
стали нам немилы.
Прости Невска прешпектива,
нам пригожства вить не мило,
С карбальями биржа главна
и Верейско море славно.
Река Мойка и Фантанка
и Мокруша бесталанна,
Ты Калинкина деревня
и публичная презелна.
Молотцам тут всем прилука,
хоть во время была скука,
Как сидели там в неволи
понесчастью своей доли.
Разночинска, Введенска, Безерска
и Пушкарска, (? Белоозерска)
И щемиловска Гребецка,
в вас погибель молодецка.
Ах в пушкарские слоботки прощай,
девки со молотки,
Уж нам долго не бывать,
вместе с вами неживать.
Прощай, стрелка со трахтиром,
отпуцуй в Москву нас с миром,
Прости, погреб с беляром,
истащил ты много даром,
В тебе деньги все и платье положили
наша братья.
Теперь выедем в Емскую,
скажем всем, что не тоскуем,
Подвторим мы Петербурх
и поедем дале вдрух.
Мы приедем на Славянку,
отсель первую стоянку
Мы тотчас же поспешим,
в Москву скоро прибежим,
Пропущая города,
бушто быстрая вода.
Как Тверску-Ямску увидим,
из саней тогда все выдем,*

*Промежду себя простимся
и с любезном цолованьем
Разойдемся по домам,
будим писма писать к вам.*

Сохраняем графику и орфографию — это замечательный образец еще неустоявшегося, но уже вполне оригинального петербургского произношения²⁴.

Отметим трогательную деталь, которая показывает, сколь важно было сохранить в записи песенный ритм: *мать Нева-река*, течет *быстра јглубока*. Соединительный союз передан в начертании так, что не должен ассоциироваться со слогом и занимать дополнительное музыкальное время.

Можно предположить, что распевавшие песенку и записавшие ее в книгу люди знали другие, прежние версии и, оставляя полубившиеся строки, добавляли к ним новые; при этом порядок в прежде усвоенной части не воспринимался как обязательный. Исчез *желтый дом кадетский*, менее обстоятельно представлены морские и речные детали; *Невская прешпектива* стала убедительным аргументом — уж если ее *пригожство* не мило, то и вправду надо ехать из Петербурга прочь.

Подробно обозначена наиболее обжитая Городская сторона. Улицы, названия которых теперешние жители Петроградской стороны опознают безо всякого затруднения, образуют последовательность и читаются как связный маршрут, хотя вместивший их стих пошатывается под напором смещенных ударений (потому, возможно, оказалось искаженным одно из названий — *Безерска* вместо *Белозерской*). На месте оказались и *пушкарские слободки*, располагавшиеся вблизи названных улиц. Возможно, и упомянутая между других *Гребецка* — одна из четырех улиц этого имени, находившихся на Городской стороне²⁵. (Одна из них, более известная теперь под именем Пионерской, хорошо вписывается в компактный ареал названий). В таком случае уточнение при ней *щемиловска* не имеет отношения к слободе этого названия, находящейся на левом берегу Невы значительно выше по течению²⁶.

Миллионна оказалась лавкой, и с этим изменением возник иной смысловой порядок. *Калинкина деревня* с обретением опущенного ради приличия стиха обрела и полноту описания. Еще более стремительно завершение песенки в этом варианте. Появляются чудесный образ сказочно быстрой езды: *пропущая города, бушто быст-*

роя вода и подводящая окончательную черту под путешествием церемония прощания.

Столь значительная дистанция между приведенными текстами не может не вызвать предположений о том, что были и другие варианты, и немалым числом. Это вполне соответствует природе устно-письменной традиции «рукописных песенников» — запечатленным на письме остается далеко не все, что поется, а из записанных текстов далеко не все достигли своими путями книгохранилища и оказались сбереженными для нас. Собственно, судьба песен устной традиции и путь их к тем, кто наблюдает ее извне, таковы же: остаются доступными единичные записи выхваченных из потока текстов и избранная часть их, попадающая в публикации. Ради равновесия и установления перспективы упомянем текст, уже весьма отдаленно связанный с приведенными. Он опубликован М. И. Чулковым в III части и начинается почти прямым продолжением — воспоминанием о путешествии:

*Как во прошлом во году
Приезжали мы в Москву...²⁷*

Однако в этой песне есть свой сложно-составной сюжет: она повествует о карантине, в который угодили приехавшие, о пожаре, о смерти полковника; ясно названы авторы-герои — гренадеры. Стихи из Петербургской песенки появляются время от времени, структурируя текст, разделяя эпизоды; они свидетельствуют о том импульсе, ритмическом, интонационном, который породил новую песню. Обстоятельный текстологический анализ не входит в нашу задачу. Ограничимся фрагментами, по которым хорошо видно, как стихи из прежнего текста укладываются в новые обстоятельства:

*Преображенския слободки,
Прощай девушки и молодки,
С горя выпьем теперь водки...*

— кроме нарушения версификации — на рифме провис третий стих — появился новый образ, прямой и ясный, без затей.

*Прощай Яуза с заливы,
Нам сударушки не милы...*

— какие у Яузы заливы? Это наследие Невы, только имя речки московское.

*Прощай, матушка Москва,
Во глазах видна всегда*

— прощание задушевное, без петербургских розыгрышей.

Еще одна песня из Чулковского собрания поможет нам ощутить предел, за которым те же образы, смыслы и даже слова оказываются иным текстом — изменяются ритмические условия, и формула²⁸ исчезает:

*Прости Тверь, город славной,
Большой кабак главной,
Такожде Истеря,
Лишь деньгам потеря,
Кабачок Верховской,
Вина пить таковской.
Красное кружало,
Ты нас понуждало,
Затверинский кабачок,
Где курили табачок,
Уже знатная Стрелка,
Ребятам разделка.
Ты прости кабак ухват,
Где сидел родной брат,
На реке на Шоше
Всегда вино плоше,
Целовальники скупые,
Умом разумом глупые,
Меряют обидно,
Как плутам не стыдно.
И село то Медно
Прискудело бедно.
Прости, улица Ильинка,
И слободушка Зверинка,
Прости, Дятловска ямская,
Слобода Тверская.
В Напрудной слободке
Живут наши тетки,
Орешницы румяны
Агафьюшки, Татьяны,
Домнушки матки,
Головушки гладки,
Палаша и Маши,
Феклуши, Анюши,
Анны да Татьяны,
Завсегда были пьяны.
Прости, кто тута ни есть,
Не бываать нам опять здесь²⁹.*

Существенно различие в ритмической организации: неравносложный стих близок говорному, «раешнику»; интонационная соизмеримость выражена рифмами, сильные позиции — ударные слоги — размещены произвольно. Сплошное балагурство и дразнилки, похожие на припевки, которыми хулят окрестные деревни, или на прозвища, зак-

репившиеся за жителями разных городов (*Мы, вятски, ребята хватки — семеро одного не боимся; У нас в Рязани грибы с глазами, их ядять, а они глядят* и т.п.).

Прощание с Петербургом, в отличие от **Прощания с Тверью**, безусловно, песенный текст, хотя известен только по безнотным сборникам, и ни разу при нем не встретилось отсылки к «голосу». Между тем ритм его определенно восходит к звучанию плясовой (потому-то, возможно, и обходится без отсылки — ведь плясовые припевки «тананыкаются» как-нибудь). Правда, и любовные песенки наиболее популярного формата (романсовая строфа с чередованием 8- и 7-сложников женскими окончаниями в нечетных стихах, мужскими — в четных, часто с соответствующими перекрестными рифмами), которые, бывает, занимают чуть ли не половину большого безнотного песенника, тоже не имеют отсылки к «голосу». По-видимому, этот универсальный размер подразумевал хорошо освоенное интонационное поле, в котором нетрудно было уложить слова наугад.

В отличие от лирики, «плясовые» тексты не составляют большого массива в «рукописных песенниках», но их можно узнать по неизменным парам 7- или 8-сложных стихов, соединенных рифмой и замкнутых по смыслу; они воспринимаются как цепь припевов. Единственный такой текст с напевом известен нам по песеннику Титовского собрания, опубликованному в качестве 5-й книги энциклопедии «Музыкальный Петербург. XVIII век»³⁰. В нем пары стихов перемежаются рефреном, и от того еще ярче проявляется их самостоятельность — как будто мы имеем дело с прообразом вокально-инструментальных форм, которые так пышно расцветут столетие спустя под именем частушек:

*Ах, велика мне беда,
Говорю я без стыда
Хорошая моя,
Пригожая моя.*

Одноголосный напев, которым этот текст снабжен в песеннике Тит. 4272, прекрасно подходит и к нашей песенке; именно он предложен в качестве комментария («на голос») к тексту, опубликованному в «Русских кантах»

Интересно, что в конце XX века, тоже оказавшемся временем песен, случился любопытный опыт: Владимир Москвин в композиции по текстам XVIII века распел **Прощание с Петербургом** в манере свободной бардовской речитации под гитару³¹.

Очертим еще одну стилистическую грань, приведя начало другой песни о прощании и разлуке:

*Прощай, Москва, пришла тоска
Жить в скуке, быть в муке,
Жить втуне с полруги
Вольности нет³².*

Прощание с городом и с любовью может быть вполне искренним, трогательным и серьезным. Приведем еще как образец классического катрена любовной песни, долгая жизнь которой привела ее в народную драму «Царь Максимилян» (в изводе новгородского села Мшага):

*Я в пустыню удаляюсь
От прекрасных здешних мест.
Сколько горести смертельной,
Я разлуку должна несть.
Оставляю град прекрасный,
Оставляю и того,
Кто дороже мне на свете
И милее мне всего³³.*

Вернемся к нашей песенке, в которой перечисление петербургских достопримечательностей, порой насмешливое и панибратское, не исчерпывает темы. Сюжет ее странным образом выходит за пределы текста. Он захватывает судьбы тех, кто ее пел, лирических героев шуточных стихов. Сложенная на память о веселых днях общей молодости, с кем она расходилась по дальним российским дорогам? Кто отправлялся в путь из Петербурга? Выпускники кадетского корпуса, сухопутного или морского? молодые чиновники, разъезжавшиеся в провинциальные города?

Был ли уже или нет *Указ о вольности дворянской*, еще все служат, пе-

Петь на голос «Ах велика мне беда» («Хорошая моя, пригожая моя»):

ОР РНБ, Тит. 4272, л. 70 об. — 72

Прощай, славный Петербург, стеснен стал в тебе наш дух, оставляем мы тоску, отъезжаем мы в Москву.
Прости, мать Нева-река, широка и глубока, по волнам твоим гуляла, много штормов мы видали.

Нотная строчка (Русские канты. 1689–1762. С. 173)

ремещаются по службе, сменяя города, гарнизоны, надеясь на *случай* в военной *кампании* и на поприще гражданского. Все в пути.

Разлука, овеществленная дорожкой, и путь, осознаваемый через утраты и возможные обретения; перемены места, означающие стадии жизни, и путешествие как выражение житейского поприща — все эти образы насыщают песенный язык XVIII века. Они живут в удивительном равновесии символа и житейских реалий; философских рассуждений и чувствительных вздыханий; высоких замыслов и балагурства; устойчивых поэтических формул и случайных, частных словечек.

Пусть не смущают читателя легкомысленные, пестрящие просторечием стишки. Высокий стиль, трагедии и оды были хорошо знакомы той молодежи. Вспомним — начало русского театра взлелеял Сухопутный шляхетский корпус; Федор Волков и его товарищи завершали там свое образование; там начинались литературные упражнения кадета Александра Сумарокова, полувеком позже — Владислава Озерова; там, в «рыцарской академии», сложилось «Общество любителей российской словесности».

Высокое и низкое, серьезное и забавное, общее и свое — эти полюса традиционной культуры, надолго со-

хранившиеся в стереотипах поведения, отражены и в рассуждениях Ломоносова о трех стилях, имеющих свои права в литературе. Они, как правило, представлены в письменности неравномерно; низкий стиль недаром зовется разговорным. Но в драгоценную книжку, заполненную от руки, такие живые речи попали и приходят к нам теперь. Высокий же стиль, философический ракурс и гражданский пафос **Путешествия из Петербурга в Москву** принадлежат литературе. В перекличке этих явлений, столь различных и как будто несовместимых, мы можем ощутить полноту необыкновенного XVIII века, «века песен», первого столетия жизни нашего города.

¹ Русские канты от Петра Великого до Елизаветы Петровны: виватные, панегирические, покаянные, навигацкие, застольные, пасторальные, любовные / Изд. подгот. Е. Е. Васильева, В. А. Лапин, А. В. Стрельников. СПб., 2002. С. 213.

² Там же. № 28. Радуйся, Россю земле. С. 64—65.

³ Там же. № 58. С. 106—107.

⁴ Термины эти имеют логические основания: поется — значит *песня*; передается в виде письменном — значит *книжная*; рукопись, заполненная такими текстами, — *рукописный песенник*. То, что к одному имени оказываются причтены переложения Давидовых псалмов, части Песни Песней, пасторали, панегирики, любовная лирика, политические прокламации, хороводные песни, всевозможные вольные и забавные тексты, в этих обстоятельствах не играет роли. Для столь обобщенного названия, если задуматься, есть и существенное формальное основание: духовную лирику Нового времени (старейший пласт «книжных песен») от всех письменных форм древнерусского певческого искусства отличает именно песенная форма, организованная соединением неизменного музыкального компонента текста с продолжающимся поэтическим. История терминов, их взаимоотношения с другими см.: Позднеев А. В. Рукописные песенники XVII—XVIII веков: Из истории песен. силлаб. поэзии. М., 1996. С. 448; Васильева Е. Е., Лапин В. А. Кант // Музыкальный Петербург: Энцикл. словарь. СПб., 1998. Т. 1. Кн. 2. С. 20—37; Псалма, псалм // Музыкальный Петербург... С. 482—497; Лапин В. А. Книжная песня. Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия в трех томах. СПб., 2001. Т. 1. Кн. 2. С. 602—607.

⁵ Имеются в виду следовавшие друг за другом «Собрание разных песен» М. Д. Чулкова, изданное четырьмя частями в 1770—1774 гг. и повторенное Н. И. Новиковым как «Новое и полное собрание российских песен...» в 1780—1781 гг. с прибавлением еще двух частей; «Собрание русских простых песен с нотами» В. Ф. Трутовского (СПб., 1777—1795) и «Собрание народных русских песен с их голосами» Н. А. Львова — И. Прача (СПб., 1790).

⁶ ОР РНБ. Тит. 4222. № 74. Л. 52; Чулков. III. № 67. С. 72. Здесь и далее ссылки даются по 2-му (Новиковскому) изданию.

⁷ Чулков. IV. № 121. С. 108.

⁸ Там же. III. № 55. С. 57—58.

⁹ Там же. IV. № 187. С. 192.

¹⁰ Там же. III. № 60. С. 64.

¹¹ Там же. № 71. С. 75.

¹² Там же. № 75. С. 81.

¹³ Там же. IV. № 183. С. 188.

¹⁴ ОР РНБ. Тит. 4222. № 109. Л. 81; Чулков. IV. № 177. С. 182.

¹⁵ Чулков. IV. № 142. С. 156—157.

¹⁶ ОР РНБ. Q. 125. Л. 39 об. — 40.

¹⁷ ОР РНБ. Тит. 4222.

¹⁸ ОР РНБ. Тит. 4222; № 100. Л. 48 об. — 49 об. В «Русских кантах» она опубликована под № 111. С. 172—173.

¹⁹ Топонимическая расшифровка песенного текста выверялась в разговорах с питерскими жителями, знатоками городской истории и преданий. Благодарю за помощь, советы, подсказки А. Векслера, Ю. Н. Кружнова, П. А. Медведева, А. В. и В. А. Стрельниковых.

²⁰ Под него сначала был отдан дом опального графа Миниха; в 1771 г. дом сгорел, корпус был переведен в Кронштадт, где и оставался во все царствование Екатерины II. Павел Петрович вернул Морской корпус Петербургу. Тогда Ф. Волков (архитектор, не основатель русского театра) выстроил на месте Минихова дома комплекс зданий, который так хорошо знаком жителям Васильевского острова, а в питерских преданиях отмечен проказами курсантов вокруг фигуры И. Крузенштерна, задумчиво глядящего на *alma mater* славных русских мореходов и флотоводцев.

²¹ Майков В. И. Избранные произведения. М.; Л., 1966. С. 93. (Б-ка поэта. Большая сер.).

²² ОР РНБ. Тит. 2579. № 64. Л. 65 об. — 66 об.

²³ Там же. Л. 111—112.

²⁴ Колесов В. В. Произношение петербургское // Три века Санкт-Петербурга. СПб., 2001. Т. 1. Кн. 2. С. 188—190.

²⁵ См. Топонимика Петербурга. СПб: РГБ, 2003.

²⁶ Опираюсь на суждения А. Векслера и благодаря ему за помощь. Перечисление гребецких улиц см.: Кукушкина В. В. Санкт-Петербург XVIII в. по плану города. СПб., 2002. С. 79—80.

²⁷ Чулков. III. № 77. С. 82—84.

²⁸ Имеется в виду понятие, вошедшее в научный обиход с книгой А. В. Лорд «The singer of Tales» и нашедшее столь широкое применение, что теперь впору напоминать исходное определение или заново его искать. В понимании А. Б. Лорда, анализировавшего сказительское искусство южнославянских *гусляров*, формула, в отличие от *клише* или *общих мест*, — не столько результат (текст), сколько порождающая модель, важнейшим свойством которой является закрепленный структурой ритмический образ.

²⁹ Чулков. III. № 163. С. 163—164.

³⁰ Рукописный песенник XVIII века с голосами, положенными на ноты. Музыкальный Петербург: Энцикл. словарь. Т. 1. Кн. 5. № 26 (38). С. 88—89.

³¹ Владимир Москвин. Столетье мудро и безумно. Песни в исполнении авт. Мелодия. Запись 1989 г.

³² ОР РНБ. Тит. 3759. Л. 94.

³³ Там же. Тит. 2579. Л. 129.